

The background of the book cover is a complex, layered pattern of waves and clouds. The waves are rendered in various shades of teal and blue, with white outlines that create a sense of depth and movement. The clouds are depicted in a stylized, swirling manner, also using teal and white. The overall effect is a rich, textured, and dynamic visual field.

Шорт-лист  
Международной  
Букеровской  
премии—2019

Марион  
Пошманн  
Сосновые  
острова

**Марион Пошманн**  
**Сосновые острова**  
Серия «МИФ Проза»

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=63754161](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63754161)*

*Марион Пошманн. Сосновые острова: Манн, Иванов и Фербер; Москва;*

*2021*

*ISBN 9785001693932*

### **Аннотация**

Главный герой этого романа увидел во сне, что ему изменяет жена. В гневе он сбегает в Японию, не столько от жены, сколько от личных проблем, скучной жизни и, кажется, даже самого себя. В Японии он случайно знакомится со студентом, который намерен покончить с собой и ищет для этого подходящее место с помощью путеводителя по самоубийствам. Европейский интеллеktуал и японский юноша, оба одинаково подавленные требованиями родных культур, отправляются в путешествие, в котором каждый так или иначе надеется найти успокоение.

*На русском языке публикуется впервые.*

# Содержание

Токио

5

Конец ознакомительного фрагмента.

21

# Марион Пошманн

## Сосновые острова

*Хочешь узнать  
Сосновые острова —  
Ступай к соснам.*

*Мацуо Басё*

Издано с разрешения SUHRKAMP VERLAG AG

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.*

© Suhrkamp Verlag Berlin 2017

© Перевод на русский язык, издание на русском языке  
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021



*Автор благодарит Фонд морской торговли  
Пруссии и Институт имени Гёте в Японии (Вилла  
Камогава) за поддержку ее работы над этой книгой*

# Токио

Ему приснилось, будто жена ему изменила. Гильберт Сильвестер проснулся сам не свой. Подле него по подушке расплзались пряди черных волос Матильды, словно щупальца злобной медузы, угодившей в смолу. С каждым вздохом толстые пряди едва заметно шевелились, подкрадываясь к нему. Он тихо встал и пошел в ванную, долго тупо пялился на себя в зеркало. Не позавтракав, вышел из дома. Вечером вернулся с работы в том же состоянии: как будто ударили по голове, почти оглушили. За день сон не улетучился, даже не поблек, «пустой сон», какая глупость, разве же он пустой! Совсем наоборот! Этот ночной кошмар все крепчал, становился все убедительнее и правдоподобнее. Совершенно ясное предупреждение, это его подсознание, его бессознательное предостерегает его наивное, ничего не подозревающее Я.

Он зашел в коридор, театрально уронил портфель и призвал жену к ответу. Она все отрицала. От этого он лишь утвердился в своем подозрении. Матильда стала какой-то чужой. Другой. Неестественно резкой. Возбужденной. Пристыженной. Она обвинила его, что он рано утром ускользнул из дома, даже с ней не попрощался. Она. Беспокоилась. Как. Ты. Можешь. Только. Бесконечные упреки. Отвлекающий маневр. Свалит всю вину на него. Это уж слишком. Он такого не позволит.

Впоследствии он не мог вспомнить: наорал ли он на нее (весьма вероятно), ударил (он мог) или плюнул в нее (ну...), может, в гневе он и брызгал слюной, но, как бы то ни было, он схватил что-то из вещей, кредитные карты и заграничный паспорт и ушел из дома, пошел по мостовой вдоль улицы, жена за ним не бросилась, не звала его, он шел дальше, сначала медленно, потом быстрее, пока не нырнул в ближайшую станцию метро. Он исчез под землей, как сомнамбула, так его могли бы описать со стороны, проехал через весь город и вышел только в аэропорту.

Он провел ночь в терминале В, неуютно скорчившись на двух металлических чашеобразных стульях. То и дело заглядывал в смартфон. Ни одного сообщения от Матильды не было. Наутро вылетел самым ранним межконтинентальным рейсом, на какой только сумел купить билет.

В самолете, пока летели в Токио, он пил зеленый чай, посмотрел два фильма о самураях – с экрана в спинке переднего кресла – и все больше убеждался, что поступает совершенно правильно, более того, что по-другому и поступить-то было нельзя, что все к тому шло и что и дальше оно неизбежно именно так и должно складываться, так считал он, так считал весь мир.

И не надо. И пожалуйста. Он отказывается от своих прав. На здоровье, путь свободен. Берите, кому что надо. Наверное, этому капризному мачо, ее шефу, директору школы. Или тому смазливому юнцу, молокососу, едва доросшему до

совершеннолетия, стажеру, которого Матильда опекала. Или еще кому-нибудь из ее навязчивых неприятных коллег. Если женщина – он бессилён. Если мужчина – время, вероятно, на стороне мужа. Надо выждать, посмотреть, как оно пойдёт дальше, а там она, глядишь, и образумится. Запретный плод сладок, но быстро приедается. Но вот если женщина – это всё. Жаль, сон по этому пункту разъяснений не давал. Но в целом он был достаточно четок. Даже очень. Как предчувствие. Да он и догадывался. Давно уже. С чего бы еще Матильда пребывала в последние недели в таком солнечном настроении? Прямо светилась! И так подчеркнуто дружелюбна с мужем? Это чертово дипломатичное дружелюбие! День ото дня оно становится все более невыносимым, давно бы ему знать, что за этим скрывается. Долго же ей удавалось водить его за нос. А он и рад был, вот дурак! Развесил уши, прошляпил жену, привык бесконечно доверять.

Японская стюардесса с длинными черными волосами и причудливой прической, как у гейши, чарующе улыбаясь, наливала ему чай. Улыбка, разумеется, предназначалась не ему лично, но подействовала на него как бальзам на рану. Он потягивал чай и любовался этой улыбкой, которая, как будто приклеенная, неизменная, словно маска, не сходила с лица стюардессы, пока та проходила мимо рядов кресел. Она дарила эту улыбку каждому из пассажиров, настойчиво и постоянно, с одним и тем же блистательным результатом.

Он всегда боялся, что станет для Матильды скучен. Внеш-

не их отношения не изменились, но он давно уже не мог предложить жене ничего интересного – ни увлекательного общения, ни гениального приключения, ни глубины характера.

Он – невзрачный кабинетный ученый, приват-доцент. В профессора не вышел, семья подкачала, нужных связей не приобрел, угодливости не научился, прислуживать не умеет. Слишком поздно обнаружил, что в университетской системе наука даже не на втором месте, а вовсе на третьем, на первом же – власть и иерархия. Он ошибся. Он бесконечно ошибался. Критиковал своего научного руководителя. Вечно лез со своим мнением. А когда надо было заявить о себе и чем-нибудь похвастаться, он, зашуганный, наоборот, сидел тихо и не высывался.

Пока под ним небо затягивалось густыми облаками, он перебирал в памяти прошлые годы, серую череду унижений и неудач. В юности он верил, будто он умнее других и выделяется из толпы, презирал приспособленцев с их грошовым уютом и разгадывал тайны бытия острым умом философа. С годами же он оказался не у дел, цеплялся то за один проект, то за другой, и обнаружил, что его бывшие друзья, некогда двоечники безо всякого собственного мнения, в профессии давно его обскакали. А ведь они, если уж честно, и в деле-то разбираются гораздо хуже него. Но они умеют приспособляться к обстоятельствам и у них есть эта смекалка, сообразительность – вещь, незаменимая в карьере.

Другие обзаводились семьей, уютно устраивались в собственных домах, обрастали обычной буржуазной рутинной, он же вынужден был перебиваться убогими заработками, выполнять идиотскую работу, которую ему навязывали те, кого он в глубине души презирал. Годами он жил в страхе: вдру он утонет в этой мути, и ни одна светлая мысль больше никогда не придет ему в голову. Потом страх сменился равнодушием ко всему. Гильберт просто делал, что от него требовалось, тратил свое остроумие на самые бездарные тупые занятия и с годами, даже с десятилетиями просто «сменил окраску»: со всем согласился, свое вечное против поменял на постоянное за.

Японская стюардесса принесла дымящийся короб и длинными металлическими щипцами протянула ему свернутое горячее махровое полотенце. Он механически протер руки, обмотал полотенце вокруг запястья, так что обжигающий жар запульсировал под кожей. Этот обычай всегда идет на пользу, подумал он, странный полет, здесь все продумано, чтоб его успокоить. Он провел салфеткой по лбу, материнская рука, когда температуришь, удивительно приятна, но салфетка уже начинает остывать. Он положил ее на лицо, всего на пару секунд, пока она не превратилась в обычную холодную, мокрую тряпку.

Сейчас он работал над новым проектом – на этот раз как эксперт по фасонам и прическам для бород. Более чем сомнительная тема, конечно, однако она обеспечила его на го-

ды стабильным доходом. Со временем эта нелепая история даже стала ему нравиться, как-то ему удалось влиться, впрочем, так оно обычно и бывает: процесс затягивает, становятся интересны детали и мелочи, выстраивается определенная система, чем глубже в тему – тем интереснее. У него вообще по жизни всегда всё так: в автошколе его восхищали правила дорожного движения, в танцевальной школе – последовательность движений, он умел безо всякого волшебства срастаться с любой темой.

Гильберт Сильвестер был исследователем бород, бородавководом по гранту, который спонсировали кинопромышленность земли Северный Рейн – Вестфалия и отчасти – феминистическая организация Дюссельдорфа и еврейская община Кёльна. Он исследовал, как изображаются бороды в кино и как это воздействует на аудиторию. Речь шла о культурологических аспектах и гендерной теории, о религиозной иконографии и возможности философской экспрессивности посредством изображения.

Как всегда, это был научный проект, результаты которого были заранее определены. Гильберт прилежно трудился, собирал материал, складывал вместе детали, обосновывал значимость материала его же обилием и разнообразием, доказывал применимость всеобщих культурологических выводов и тем самым в конце концов подтверждал влияние на зрителя во всем мире.

По утрам он приходил в библиотеку, выключал телефон и

погружался в живопись итальянских мастеров, в мозаики и средневековые книжные иллюстрации. Изображения бород находились везде во все времена, и он только удивлялся, отчего до сих пор никто не занялся изучением такого основополагающего исторического явления. «Мода на бороду и образ Бога» – так звучала его главная тема, которая каждый день электризовала его, казалась неисчерпаемо плодотворной и одновременно вгоняла в депрессию своей полной абсурдностью.

Он ностальгически держался еще за привычки своей школьной поры, как за последний бастион личного сопротивления. Писал от руки перьевой чернильной ручкой в тетради вроде вахтенного журнала, в черной обложке, прошитой нитками. Десятилетиями – кожаный ранец, никаких нейлоновых рюкзаков. Годами – в одной и той же рубашке и пиджаке. В школе ему таким образом удалось приобрести статус возвышенного интеллектуала. Теперь же эти чудачества стали признаком его поражения. Он цеплялся за давно отжившие ценности и атрибуты прошлого, за старье и прошлогодний снег. Он еще пытался носить постмодернистские галстуки и платки неоновых цветов. Всё зря. В университете он прослыл реакционером и декадентом. От сигаретного дыма у него болела голова. Футболом он не интересовался, мяса не ел.

Он еще раз протер ладони, разложил белый махровый квадрат полотенца на своем столике и оставил так.

Внизу среди облаков показалась Сибирь. Мощный поток Оби со множеством притоков змеился по лесам и болотам. На экране макет самолета по пунктиру двигался от Томска к Красноярску и далее к Иркутску.

Европейская часть России, Сибирь, Монголия, Китай, Япония – маршрут проходит исключительно над чайными странами. Гильберт Сильвестер прежде всегда категорически не принимал страны с повышенным потреблением чая. Он путешествовал в страны кофейные – Францию, Италию; после посещения очередного музея баловал себя чашкой кофе с молоком в каком-нибудь парижском кафе или в Цюрихе заказывал себе кофе со взбитыми сливками; он любил венские кофейни и все культурные традиции, с ними связанные. Традиции ясности, четкости, присутствия, различимости. В кофейных странах все ясно и очевидно. А в чайных – сплошь туман и мистика. В кофейных странах так: заплати немного денег – получишь что хотел, даже немного скромной роскоши, если приплатишь сверху; в чайных странах, чтобы получить то же самое, приходится изрядно напрягать воображение. Никогда бы не поехал по своей воле в Россию, в страну, где ты вынужден задействовать фантазию для самых банальных повседневных вещей, даже если речь идет всего лишь о чашке нормального зернового кофе. По счастью, ГДР после объединения из чайной страны превратилась в кофейную.

И вот вам пожалуйста: его, Гильберта Сильвестера, собственная жена гонит в самую что ни на есть чайную страну!

Более того, он готов даже рассматривать Японию с этой ее тяготной, претенциозной, жеманной, неестественно раздутой чайной культурой как высшее воплощение чайной страны, что для него еще мучительнее, а со стороны Матильды очевидный садизм – так его терзать, но теперь уж он не остановится, он в эту Японию прилетит из одного только упрямства, из гордости.

Он вынул из нагрудного кармана смартфон и проверил, нет ли сообщений. Ну да, ведь он же переключил телефон в режим полета, какие же теперь сообщения. Тем не менее он открыл электронную почту и все-таки расстроился, не обнаружив в ней ничего нового. Ему было нехорошо. Немного тошнило из-за полета, да еще чай на голодный желудок. Если точно, то он уже часов тридцать ничего не ел. Было бы неплохо получить от Матильды хоть намек на сожаление. Вежливый вопрос, хоть минимальный контакт. Но ничего не было. Она что, спятила? С чего это ей вдруг стали неведомы фундаментальные основы человеческих отношений? Как это она допустила, чтобы мужа теперь несло на другой конец света где-то над Сибирью? Зеленый чай грузом лежал в желудке и плескался при каждом движении самолета.

О Японии он знал мало, она никогда не была страной его мечты. Во времена самураев всех неугодных интеллектуалов ссылали на самые дальние острова или вынуждали совершить сэппуку – кровавую форму самоубийства. Судя по нынешним обстоятельствам его биографии, он летел куда сле-

дует, как раз по адресу.

Он включил еще один фильм о самураях, но смотреть не стал. Дальнейший полет прошел в напряженном сумеречном состоянии. Он больше не видел никого вокруг, не различал других пассажиров, все стало неясным, как в густом тумане, и туман этот укутывал в первую очередь его, и он изо всех сил должен был этому мороку сопротивляться, чтобы не задохнуться. Он расправил плечи, размял затылок и онемевшую шею. Поспать не удалось ни минуты.

После приземления проверил почтовый ящик. Ничего. Никто его не искал. Хотя сейчас ведь каникулы между семестрами, ничего важного он и не пропускает, в университете его и не хватятся. Лекции начнутся только в конце октября. До тех пор только один доклад на конгрессе в Мюнхене. Пока ждал багаж, написал, что участвовать не будет.

Он обменял деньги и в киоске купил себе путеводитель и пару японских классиков в английском переводе.

Стихи Басё<sup>1</sup>, «Гэндзи-моноготари», «Дневник у изголовья»<sup>2</sup>. Ему казалось, будто он знает японских классиков на-

---

<sup>1</sup> Мацуо Басё (1644–1694) – японский поэт, теоретик стиха, сыгравший важную роль в становлении поэтического жанра хайку. *Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.*

<sup>2</sup> «Гэндзи-моноготари», или «Повесть о Гэндзи» – одно из величайших произведений японской классической литературы, написанное в эпоху Хэйан. Создавшая этот роман-моноготари Мурасаки Сикибу (978 – около 1014 или 1016) – придворная дама императрицы Сёси (годы правления 986–1011). «Дневник у изголовья» (или «Записки у изголовья») – классическая книга японской литературы эпохи Хэйан в жанре дзуйхицу (эссе, поток сознания), созданная писатель-

изусть, но у полки с карманными томиками пришлось признать, что он в жизни посмотрел всего несколько японских фильмов и не может процитировать ни одного хайку.

Он зачихнул книги в кожаный портфель и на экспрессе «Нарита» отправился в центр Токио. На центральном вокзале взял такси и поехал в гостиницу. Как все просто. Проехал полмира, никаких препятствий, никаких проволочек, никаких проблем. Таксист был в белых перчатках и в униформе со светлыми пуговицами, в фуражке. По-английски не говорил, но, когда Гильберт показал ему записку с адресом, понимающе кивнул. Ехали в молчании, Гильберта это устраивало. Сиденья были обтянуты кружевной тканью, вязанной крючком, автомобиль тонул в этих кружевах, как свадебный торт или карета Барби. Никаких пробок, никаких светофоров, вообще никакого движения, ничего снаружи. Когда прибыли, таксист с многочисленными поклонами передал ему багаж. Стеклопанель беззвучно отъехала в сторону.

Комната – белый куб – казалась совершенно пустой. Стояла белая кровать с белым одеялом, были еще два белых куба – вроде как мебель. Очень современно, ничего лишнего. Он стоял посреди комнаты и абсолютно не мог понять, зачем сюда попал. Потом улегся в кровать и тут же уснул.

Дневные сны. Чайные страны, самураи. Вечером, перед решающей битвой на мечах, воин одевается в шелковые одежды и отправляется к мастеру чайной церемонии. Шагает

по отполированным камням мостовой в чайный домик, что скрывается в крошечном садике в зарослях бамбука, склоняется, чтобы пройти через низенькую дверь, подходит к мастеру едва ли не на коленях. Мастер немногословен, заваривает чай, протягивает чашку гостю, и гость имеет возможность накануне своей весьма вероятной смерти еще раз полюбоваться икебаной, разглядеть свиток с ценнейшей каллиграфией, еще раз может потеряться в пространстве, где блуждают тени деревьев, где царит фантастический покой.

Утром он опоясывается мечом и идет на бой. Он полон мистических сил, его меч способен двигаться будто сам по себе, а воин умеет летать там, где иные с трудом смогли бы подпрыгнуть. Благодаря этим способностям он стяжал славу непобедимого мастера меча, однако противники превосходят числом, а сторонники повержены. Исполненный печали, воспаряет воин над полем брани, видит неестественно скорченные тела, их уже не спасти, воспаряет еще выше и видит вдали мерцающее море. Япония сверху, бесчисленные острова, горы, густо поросшие лесом, бархатная зелень, пронзительная синева моря, еще раз пролетает он над жестокой красотой этой земли, прежде чем, как того требует обычай, как проигравший сражение вспарывает себе живот кинжалом.

Гильберт Сильвестер видел Японские острова сверху, в свете восходящего солнца, и это зрелище на мгновение оше-

ломило его. Теперь он проснулся в своей голой комнате и сначала ее даже не узнал. Откуда тут два этих куба высотой до колена и зачем они вообще? Обморок в спортзале? Или он неожиданно попал в рекламу ледяных фигур? Или он оказался в неведомых глубинах своего собственного телевизионного ролика? Он подошел к панорамному окну, отодвинул белоснежную занавеску и уставился на стеклянные башни Токио. Как только он сумел попасть в этот город, вот так запросто? Зачем он здесь? Сверкающие на солнце окна слепили ему глаза, так что он заморгал, синие солнечные очки окон этаж за этажом, холодные неприветливые отражения. Что ему здесь надо? Он оказался, вдруг подсказал он сам себе, очень далеко от всего, что было ему хоть как-то близко. Он отправился в неопределенность, напрямик в неведомое, и самое ужасное, что это неведомое совсем не кажется зловещим, только функциональным, немного претенциозным и каким-то стерильным. Он принял душ, надел чистую рубашку и на лифте спустился с 24-го этажа.

Вечерело, воздух был еще теплый, в окнах крупных офисов загорались первые окна. Гильберт бродил по запруженным улицам и покорно дрейфовал по перекресткам с толпами закончивших работать японцев. Ему бы не мешало перекусить, но он чувствовал себя слишком прозрачным, чтобы принять ясное решение, да, он ощущал себя совсем прозрачным, и эта прозрачность не имела ничего общего с легкостью, но выражала его бессилие. Его способность помещать-

ся в пространстве, вытесняя воздух, чтобы занять своим телом его место, казалась на редкость ущербной. Поэтому он с трудом передвигался и чувствовал только, как его шаг за шагом увлекает за собой возбуждение, возрастающее на улицах после закрытия офисов, как будто он по-вампирски потреблял энергию от окружающих, и при этом он сам не знал, куда и зачем ему идти, а потому просто позволял толпе уносить его дальше.

Матильда не писала и не звонила. В гостинице перед лифтом он еще раз проверил телефон. Его отказ участвовать в конгрессе с сожалением приняли к сведению. От Матильды – ни слова. Вероятно, ее устраивал ход событий, который для него самого стал неожиданностью, и она теперь считала себя свободной поступать по собственному плану. Она женщина весьма занятая и порой бывала так завалена работой, что они и не общались вовсе.

Она преподавала музыку и математику в одной гимназии и еще на курсах повышения квалификации для учителей. Считалась светилом педагогики, гением коммуникации и чудом природы, прилично зарабатывала по сравнению с мужем и была исключительно востребована.

Но даже при самой тяжелой загрузке должна же у нее найтись хоть минута черкнуть ему два слова. Сам он будет тверд и звонить не станет. После всего произошедшего первый шаг точно за ней. Очень может быть, что она просто боится: она же провинилась, он имеет право гневаться. Теперь ее зада-

ча – вымолить прощение. Одно лишь то, что она не звонит, уже неслыханная дерзость. Он не поддастся, он будет непреклонен и даже не подумает подставлять другую щеку, хватит с него унижений. Жаль, что она не знает о его путешествии. Гильберт Сильвестер один в Токио, на другом конце света, ведь так далеко от дома он никогда еще не бывал. Больше рассказать об этом некому. А Матильду бы тоже зачаровал вид на Японские острова с самолета.

Человеческие массы перетекали из автобусов в метро. Он оказался в переулке с маленькими кафе, в каком-то ущелье между небоскребами, сверкающими под заходящим солнцем. Он зашел в суши-бар, сел к окну у стойки и стал наблюдать за мелькавшими пешеходами. Черные гладкие волосы, гладко выбритые лица, гладкие выученные улыбки. Мимо прошагал молодой человек с окладистой бородой, в широких штанах для айкидо, волосы на макушке завязаны узлом, как у самураев, но издалека было видно, что он европеец.

На тему японских бород ходят легенды. Самая скучная – биологическая: у некоторых азиатских народов отсутствует специальный ген – или что там отвечает за рост бороды, – так что у них на подбородке может вырасти в лучшем случае скудная поросль, которая только весь вид портит, так что лучше ее совсем сбрить. По другой теории, японским мужчинам после определенного возраста запрещено носить бороды, поскольку фирмы требуют от своих сотрудников опрятного вида, и борода тут совсем не к месту. Оттого-то

в Японии не найти ни одного работающего мужчины с бородой. Третья теория апеллирует к японской всеобщей одержимости чистотой. Появись ты на улице с бородой, и все сразу поймут, что ты, против всяких правил, забыл сегодня помыться, а это для нации чистюль – ужас!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.